
Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-80-89

**ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ 20–30-х гг. XX в.
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ НА РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССОВ
В РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ**

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2025

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития процессов в религиозной сфере Кабардино-Балкарии после массовых крестьянских волнений, происходивших в 20–30-е гг. XX в. Отмечается, что данные волнения были следствием форсированной реализации властями комплексных социально-экономических и культурных преобразований, предполагавших полный разрыв с ранее существовавшей в субрегионе системой организации экономического и социокультурного пространств. Указывается, что в рамках данных волнений апеллирование к религии играло мобилизующую их участников роль, а организующей и направляющей их силой выступали представители мусульманского духовенства. Делается вывод о том, что в течение и после данных волнений характер государственной политики в отношении религии, существенно изменился. В нем стали преобладать силовые и репрессивные методы, направленные на максимальное нивелирование роли и места религии в социуме. Они выразились в ликвидации системы религиозного образования, преследованиях представителей местного духовенства, сужении их общественного функционала, вытеснении значительной части элементов религиозной культуры на обочину социальной жизни.

Ключевые слова: религия, крестьянские волнения, религиозный фактор, мусульманское духовенство, социум, Кабардино-Балкария, атеизм

Для цитирования: Такова А.Н. Влияние крестьянских волнений 20–30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии на развитие процессов в религиозной сфере // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 80–89. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-80-89

Original article

**THE INFLUENCE OF PEASANT UNREST IN THE 20–30-S OF THE XX CENTURY
IN KABARDINO-BALKARIA, THE DEVELOPMENT OF PROCESSES
IN THE RELIGIOUS SPHERE**

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© A.N. Takova, 2025

Abstract. The article examines the peculiarities of the development of processes in the religious sphere of Kabardino-Balkaria after the mass peasant unrest that took place in

Kabardino-Balkaria in the 20-30s of the XX century. It is noted that these unrest were the result of the accelerated implementation by the authorities of complex socio-economic and cultural transformations, which implied a complete break with the previously existing system of organization of economic and socio-cultural spaces in the subregion. It is indicated that within the framework of these riots, appeals to religion played a mobilizing role for their participants, and representatives of the Muslim clergy acted as the organizing and guiding force. It is concluded that the nature of state policy towards religion has changed significantly during and after these riots. Violent and repressive methods began to prevail in it, aimed at maximizing the role and place of religion in society. They resulted in the elimination of the religious education system, the persecution of representatives of the local clergy, the narrowing of their social functions, and the displacement of a significant part of the elements of religious culture to the sidelines of social life.

Keywords: religion, peasant unrest, religious factor, Muslim clergy, society, Kabardino-Balkaria, atheism

For citation: Takova A.N. The influence of peasant unrest in the 20–30-s of the XX century in Kabardino-Balkaria, the development of processes in the religious sphere. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 80–89. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-80-89

В истории Кабардино-Балкарии довоенного периода крестьянские волнения конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. являются одной самых драматичных ее страниц. Они стали следствием форсированной реализации политики советской модернизации, осуществление которой сопровождалось сломом всей существовавшей ранее традиционной системы экономических связей и отношений, организации жизненного пространства и культуры повседневности. Кроме того, данные события способствовали коренным трансформациям в конфессиональной политике властей, способам и методам ее осуществления, что, в свою очередь, привело к заметным изменениям роли и места религии в социуме субрегиона. Источниковая база работы представлена многочисленными архивными документами, извлеченными из архивохранилищ республики большинство из которых впервые вводятся в научный оборот, а также опубликованными, главным образом следственными материалами. Историографическую базу составляют исследования С.Н. Бейтуганова, Г.К. Дзуева, Г.Х. и З.Г. Мамбетовых, О.О. Айшаева, Д.Н. Прасолова [Бейтуганов 1991; Дзуев 1997; Г.Х. Мамбетов, З.Г. Мамбетов 1999; Айшаев 2006; Прасолов 2013] и др. авторов, в которых рассматриваются различные аспекты рассматриваемой темы. Вопрос о степени влияния массовых крестьянских волнений на последующее развитие процессов в религиозной сфере поставлен впервые, что и составляет новизну исследования. Методами исследования являются: историко-генетический – дает возможность рассмотреть и оценить изменения в религиозной политике властей региона до, во время и после массовых крестьянских волнений 20–30-х гг. XX в., историко-системный – позволяет вычленить экономические, политические и религиозные компоненты в идеологии восставших крестьян, анализ архивных материалов, а также историческая психология.

До пограничного 1917 г. в социуме Кабардино-Балкарии религия присутствовала в образовании, судопроизводстве, праздничной культуре, задавала тон системе нравственных ценностей, определяла многие аспекты повседневности. В период революции и гражданской войны ее роль даже несколько возросла. Представители духовенства в большинстве проявили высокую политическую активность, прочие же действовавшие в субрегионе акторы, причем принадлежащие порой к разным политическим лагерям, ситуативно апеллировали к религии и религиозным чувствам масс при решении текущих вопросов. Интересным явлением также стало формирование в Кабардино-Балкарии своего рода альянса между большевиками и частью мусульманских лидеров, идеологическую основу которого составляла идея о схожести положений шариата и большевизма. Ярким примером практического воплощения данного альянса стала деятельность эфенди Н.А. Катханова.

Руководимая им I Ударная советская шариатская колонна внесла решающий вклад в освобождение Кабарды от антибольшевистских сил как кратковременно осенью 1918 г., так и окончательно в 1920 г. Таким образом, местное духовенство, по сути, способствовало утверждению в Кабардино-Балкарии советской власти.

В первые годы после установления советской власти, в период упрочения ее позиций, явного натиска на религию не произошло. Более того ряд видных мусульманских деятелей – Н.А. Катханов, М.А. Энеев, А.Д. Гемуев и др. вошли в управленческую верхушку области. На местах, в формирующихся новых структурах, присутствие представителей духовенства было значительным. К примеру, по состоянию на 1922 г. 80 % комучек области имели в своем составе мулл [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 1]. Нередкими были случаи, когда представители мусульманского духовенства возглавляли их [УЦДНИ АС КБР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 3]. В сфере судопроизводства была учреждена сеть народных судов, однако также продолжали функционировать и шариатские суды. Так, в июле 1922 г. шарсуды действовали в 65 селениях области [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 37. Л. 37 об]. Многие лица, инкорпорированные в религиозные сферы (Н.А. Цагов, П.И. Тамбиев, И.Я. Акбаев, С.О. Шахмурзаев и др.), принимали активное участие в создании системы всеобщего образования, ликвидации безграмотности, вели работу в сфере языкового строительства. При мечетях продолжали действовать начальные мусульманские школы. По данным на 1 января 1925 г. в Кабардино-Балкарии функционировало 10 медресе и около 100 низших мусульманских школ-мектебе [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 74], причем среди них выделялись учебные заведения с большим контингентом учащихся. Так, к примеру, в с. Кызбурун II работало две школы, в которых обучалось 100 человек, в с. Куркужин – 112 человек, в с. Куба – 120 человек [УЦГА АС КБР. Ф. Р-237. Оп. 1. Д. 65. Л. 5], в с. Урух – 90 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 35].

Однако, столь масштабное присутствие религии во всех ключевых социальных сферах, противоречило логике текущего исторического момента. В Кабардино-Балкарии, как и в целом по стране, набирал обороты процесс комплексной социалистической модернизации, направленный на унификацию социального пространства молодого советского государства. Широкое же присутствие религии придавало субрегиону выраженную специфику, превращаясь в фактор, препятствующий проведению масштабных модернизационных преобразований, призванных качественно изменить, все еще продолжавшее оставаться традиционным, кабардино-балкарское общество.

Ввиду этого, сосуществование новых, внедряемых властями структур (народных судов, трудовых школ и пр.) с ранее действовавшими (шариатские суды, мечетские мусульманские школы и пр.) стало постепенно обретать конфликтные черты. Хорошим примером, иллюстрирующим последний тезис, является реакция некоторых учителей мусульманских школ на деятельность народных советских. Так, в 1925 г. имел место случай, когда эфенди Э.Т. из с. Урух вел пропаганду против действующей в селении советской школы. В результате «...он принудил шесть граждан взять своих детей из советской школы и определить их в медресе. Жестокие слова эфенди, пророчащие гибель на том свете, заставляют граждан задуматься о спасении своей души и они забирают своих детей из советской школы» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 161. Л. 5]. В 1926 г. был зафиксирован еще один похожий случай «...провокационной агитации со стороны бывшего учителя корана на той почве, что в советских школах не учат коран, а раз не учат коран, то он (ученик – А.Т.) пойдет в коммуну и отречется от религии» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 22 об].

Местные власти, со своей стороны, в этот период вели активную работу, направленную, с одной стороны на укрепление новых, создаваемых советскими органами структур, а, с другой, по подрыву позиций старых. Так, к 1925 г. в КБАО

была ликвидирована система шариатского судопроизводства. Различным формам преследования и дискриминациям подвергались служители культа (лишение активного и пассивного избирательного права, обложение повышенным налогом и пр.). В отношении деятельности мусульманских образовательных учреждений было принято огромное число разного рода юридических документов, которые способствовали сужению возможностей для их свободного функционирования. Действовал негласный запрет на строительство новых культовых зданий, при этом закрытие и перепрофилирование под светские нужды ранее действовавших поощрялось и приветствовалось. К примеру, в одном из документов по этому поводу говорилось: «...партийные и советские органы обязаны всеми законными мерами противодействовать строительству новых мечетей или церквей и ремонту старых» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 42]. Символичным был также произошедший в 1924 г. отказ от арабской графической системы в пользу латинской. Таким образом, местные власти вели последовательную работу по исключению религиозного компонента из большинства сфер, тем самым осуществлялось своего рода «зачищение» этнокультурного пространства от традиционных компонентов для более целостного насаждения новых ценностей советского социокультурного комплекса» [Прасолов 2013: 357]. В итоге роль религии в повседневной жизни Кабардино-Балкарии стала быстро снижаться, все более замыкаясь в рамках бытовой обрядности, которая, однако, оказалась исключительно устойчивой к антирелигиозной политике государства и продолжала поддерживаться на достаточно высоком уровне.

Обрисованная выше ситуация в религиозной сфере являлась лишь частью всего масштабного комплекса модернизационных преобразований, который активно реализовывался в данный период в Кабардино-Балкарии. По сути, происходило полное замещение всей ранее существовавшей системы организации экономики и жизненного пространства рассматриваемого социума. В области осуществлялась насильственная коллективизация, велось директивное расселение населенных пунктов, хлебозаготовительная кампания проводилась, фактически, методами военного коммунизма, крестьянство принудительно облагалось займами, безвозмездно привлекалось к массовым мелиоративным и строительным работам. Кроме того, разъяснительная работа, позволяющая дать хоть сколько-нибудь приемлемое объяснение проводимым властями мероприятиям, была поставлена крайне слабо, в то время как сложившаяся обстановка «...требовала особого подхода, большого хозяйственного искусства, экономических знаний» [Дзугев 1997: 4]. На деле рядовыми исполнителями на местах столь сложных решений становились часто люди абсолютно неподготовленные и несведущие. Населению приходилось «...иметь дело тем, кто и сам, не имея ни сколько-нибудь достаточного образования, ни призвания, принялся решать сложнейшие задачи по социалистическому переустройству старого мира» [Бейтуганов 1991]. Г.Х. и З.Х. Мамбетовы по этому поводу пишут: «...для проведения такого обилия совершенно неожиданных и сложных мероприятий, многие из которых просто не укладывались в крестьянскую психологию, объективно требовалось продолжительное время, а также большая предварительная политико-воспитательная работа. Агитацию же среди крестьянства в пользу коллективных хозяйств вели люди не только не компетентные, но зачастую просто неграмотные, которые охотнее всего апеллировали к приемам и средствам административного воздействия, без учета социальной, экономической и национально-психологической специфики на местах» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 67].

Все вышеперечисленное вкуче способствовало появлению большой массы недовольных и быстрому росту их протестного потенциала. Обстановка была настолько накаленной, что любой, даже незначительный промах властей воспринимался как проявление вопиющего произвола. В подобной обстановке арест лиц,

отказавшихся принимать участие в мелиоративных работах в июне 1928 г., стал не только поводом к Баксанским событиям, но и к целой серии массовых волнений крестьян Кабардино-Балкарии, сотрясавших ее на протяжении практически пяти лет.

Так, летом 1928 г. волнения произошли в селении Кызбурун II и Баксане, в 1929 г. в с. Верхний Курп, в 1930 г. в Чегемском и Баксанском ущельях, в 1931 г. в с. Нартан. Помимо них имели место еще свыше десятка менее масштабных протестов. В волнения вовлекались также и крестьяне из других населенных пунктов, так что их ареал был весьма широк и включал значительную часть сел субрегиона. Г.Х. и З.Г. Мамбетовы пишут: «... выступления кызбурунцев в июне 1928 г. было поддержано многими населенными пунктами Кабардино-Балкарии. Это и понятно. Проблемы, которые вызвали недовольство кызбурунцев – инициаторов выступления, были общими и для других сел. Выступления крестьян Кызбуруна II было поддержано в Куркужине, Псыхурее, Кызбуруне III, Сармаково, Каменномостском, Малке, Кишпеке, но особенно активно – в Чегеме I и II» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 97].

В рамках всех без исключения волнений религиозная составляющая проявилась весьма рельефно. Она выразилась:

1) в активной роли лиц, относящихся к духовному сословию, либо в прошлом инкорпорированных в связанные с религией сферы, либо, как минимум, имевших религиозное образование (в источниках значатся как «грамотные по-арабски» – А.Т.) и не просто в качестве рядовых участников, а нередко как организаторов и мотиваторов. Г.Х. и З.Г. Мамбетовы отмечают «...мусульманское духовенство провоцировало участников беспорядков, требуя отмены хлебозаготовок, прекращения мелиорации, роспуска партийных ячеек, открытие духовных школ медресе» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 9].

2) в проходящем красной нитью противопоставлении советской власти, как воплощения власти несправедливой шариату, как, напротив, образца справедливого устройства, и связанные с ним требования. К примеру, Г.Х. и З.Г. Мамбетовы пишут «...к участию в работе по подготовке антисоветского выступления многие верхнекурпцы отнеслись сочувственно, поскольку речь шла о восстановлении шариата» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 130]. В работе С.Н. Бейтуганова «Восстание крестьян Кабардино-Балкарии в 1928–1931 гг.» [Бейтуганов 1991] приводятся многочисленные выдержки из следственных материалов, в которых на различные лады фигурирует идея о необходимости свержения советской власти и установления справедливой народной власти – шариата, которой, собственно, и руководствовались восставшие крестьяне области.

3) в требованиях, направленных на ликвидацию советских преобразований в религиозной сфере: открытие ранее закрытых мечетей и медресе, прекращение преследования мулл и т.п. Так, Г.Х. и З.Г. Мамбетовы отмечали, что шариатисты и муллы говорили что «...мечети закрывают, медресе уже нет, мулл не будет тоже, значит, некому будет хоронить умерших, дети же будут отобраны. Надо подниматься и требовать сохранения шариата» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 73];

4) в апеллировании к неким внешним силам. К примеру, циркулировали слухи, что «...Турция, Персия и другие мусульманские государства придут на защиту восставших за шариат» [Дзуев 1997: 63], а также к популярным в народной среде личностям – Н. Катханову, П. Коцеву и др., которым приписывалась некое высшее руководство в происходящих событиях. К примеру, говорилось о том, что Н. Катханов готов с отрядами вступить в Кабарду для свержения власти коммунистов, а П. Коцев его в этом поддержит [Бейтуганов 1991]. Н.А. Катханов на момент начала крестьянских волнений в Баксане был уже арестован. П.Т. Коцев, в свою очередь, уже многие годы жил в Турции. То есть непосредственно к данным событиям отношения они иметь не могли. Однако, ввиду того, что в итоговых документах по событиям в Баксане подчеркивалось, что они «...имеют глубокие

исторические корни, длительно готовились и развивались в наиболее приятной для этого обстановке – на фоне крайне обострившейся классовой борьбы в деревне и некоторых затруднений партии и соввласти (хлебозаготовки и т.п.) с использованием этих затруднений в гнуснейшей провокационной игре на религиозных чувствах в условиях далеко неизжитого невежества масс» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 14], роль Н. Катханова вполне вписывалась. В частности, в документах говорилось, что уже к 1926 г. оформился некий антисоветский блок, состоявший из большинства мулл во главе с Н. Катхановым, кулачества, остатков княжества и дворянства и других чуждых парторганизации лиц «...который начинает развивать самую бешенную контрреволюционную работу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 16].

5) в наличии связанных с исламской религией маркеров – к примеру, свой вооруженный отряд участники восстания февраля 1930 г. в Баксанском и Чегемском ущельях называли шариатским полком. О.О. Айшаев пишет «...под предводительством муллы К.Н. все собравшиеся исполнили молитвенный ритуал и приняли присягу бороться до последней капли крови за шариат. Отряду было вручено зеленое знамя с изображением полумесяца и надписью «Во имя единого Бога и Магомета – пророка его». Были назначены знаменщики» [Айшаев 2006: 16].

6) в закреплении рассматриваемых событий в народной памяти, в том числе в форме песен, прославляющих некоторых их участников. Речь, главным образом, идет о «Плаче об Исмеле Кертове». Подробный анализ этой песни дан в работе С.Н. Бейтуганова [Бейтуганов 1991]. Песня была создана в жанре плача (гыбызэ) о погибшем герое и в соответствии с традициями этой разновидности исторической песни в ней упоминаются отдельные исторические факты и детали, придающие ей фактографическую точность и убедительность [Кудаева 2019: 179]. Текст песни имел яркое антисоветское содержание. Ниже приведен один из вариантов его перевода на русский язык:

*«Кертов Исмель пулемет направляет против коммунистов.
Коммунисты в страхе от него умирают.
Притесненные Советской властью люди ушли бороться за лучшую жизнь.
Борьба тяжелая, но они с помощью верующих добьются шариата.
Коммунисты закрывают мечети и строят школы.
А дорожка, ведущая в межгид, зарастает крапивой.
Религиозные женщины, точите стальные ножницы,
Ибо подходит социализм.
Подготовьте ножи и ножницы против социализма
Не считайтесь, что вы женщины.
Беженцы (абреги), находящиеся в степях, лежат на своих седлах.
Хранят в сердцах, что лежат на мягких подушках.
Хакира заряжает револьвер ...12 зарядов
Кертов одним выстрелом убивает 12 верховых.
Припев: Нет бога, кроме бога (Аллаха)
и в надежде на него мы» [Бейтуганов 1991].*

С.Н. Бейтуганов, со ссылкой на материалы ОГПУ отмечает, что данная песня была весьма популярной, главным образом в молодежной среде. Были выявлены даже ее профессиональные исполнители [Бейтуганов 1991].

Баксанские события лета 1928 г. были подвергнуты детальному анализу на II Пленуме Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) вскоре после их завершения. Они были классифицированы в качестве заранее подготовленного и тщательно спланированного контрреволюционного выступления, «...организованного и спровоцированного мусульманско-мулльско-дворянско-княжеско-кулацким

блоком» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 17]. Данная формула в последующем использовалась и в других работах советского периода. В академическом издании «История Кабардино-Балкарской АССР» 1967 г. говорится, что это были «...антисоветские выступления, организованные и спровоцированные кулаками и реакционным духовенством» [История КБАССР 1967: 160].

В постсоветский период интерес к данным событиям значительно возрос. Для исследователей стали доступны ранее засекреченные архивные материалы, что способствовало наполнению научного пространства массивом новых источников. В этот период были изданы работы С.Н. Бейтуганова и Г.К. Дзиева [Бейтуганов 1991; Дзиев 1997]. Наиболее полно данные события рассматриваются в монографии Г.Х. и З.Г. Мамбетовых «Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы» [Мамбетов, Мамбетов 1999], изданной в 1999 г. В 2006 г. была опубликована работа О.О. Айшаева «Крестьянское вооруженное восстание в Чегемском и Баксанском ущельях КБАО в феврале 1930 года» [Айшаев 2006]. Важный вклад в изучение данного вопроса вносит статья Д.Н. Прасолова, в которой анализируются социокультурные факторы, спровоцировавшие данные события, в том числе политика областных властей в отношении религии, которые стали «...сильнейшим потрясением для духовной культуры» [Прасолов 2013: 360].

Несмотря на то, что апеллирование к религии в рамках массовых крестьянских волнений, по сути, представляло собой лишь набор резко эмоциональных высказываний общего характера, оно, однако, наглядно продемонстрировало все еще весьма сильные позиции религии в обществе, высокий авторитет духовенства, а также недовольство народа политикой властей в данной сфере в целом. Подавление крестьянских волнений конца 20-х–начала 30-х гг. в связи со сквозным присутствием в них религиозного компонента не могло не привести к крутым изменениям в рамках конфессиональной политики властей. Оценивая их политические последствия, Д.Н. Прасолов отмечает, что «...восстания стали поводом к началу первых крупных репрессий в Кабардино-Балкарии» [Прасолов 2013: 354]. Вполне закономерно, учитывая особенность текущего исторического момента, что в ходе данных преследований в числе первых пострадали представители духовного сословия. Служители культа стали рассматриваться как принципиальные политические противники советской власти, что способствовало превращению их «...в одну из наиболее дискриминируемых социальных групп советского общества» [Кобзев 2014: 150]. Так, согласно архивным данным, только в 1928 г. были арестованы и получили различные тюремные сроки 88 кабардинских и балкарских мусульманских священнослужителей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47]. Те же, кому удалось избежать преследований, стали опасаться за свою дальнейшую судьбу и даже жизнь. В связи с этим они нередко не находили для себя иного выхода, как публично порвать с религией. Отход служителей культа от своей деятельности в конце 20-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии принял широкие масштабы. К примеру, только к концу 1928 г. из 307 официально действовавших служителей мусульманского культа, 153 публично заявили о прекращении требований [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 3. Д. 53. Л. 40–42]. А ввиду того, что крестьянские волнения продолжились и в последующие годы, очевидно, что данный процесс не остановился. Тем самым нарушалось воспроизводство социальной группы, обозначился разрыв преемственности поколений ее представителей.

Закономерно также, что подобное положение дел имело фатальные последствия для системы религиозного образования. Так как многие муллы, а они же, соответственно, и учителя в примечетских школах–мектебах, были осуждены и отбывали наказание, или публично отказались от своей деятельности, заниматься обучением религии стало просто некому. Таким образом, функционирование сети религиозных образовательных учреждений в Кабардино-Балкарии к началу 1930-х гг. фактически полностью прекратилось.

Изменения не обошли стороной и праздничную культуру. Если еще в 1925 г. ЦИК КБАО дни мусульманского праздника Курман-Байрам (1 и 2 июля 1925 г. – А.Т.) объявлял нерабочими [УЦГА АС КБР. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 36. Л. 7], то к началу 30-х гг. ситуация кардинально изменилась. К примеру, в 1931 г. в преддверии религиозного праздника Курман на местах предписывалось вести «...антирелигиозную массовую работу», «бороться против хищнического убоя скота», а также «...добиться объявления дней курмана ударными по пахоте и севу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 109. Л. 125].

В качестве одной из причин крестьянских волнений конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. было признано плачевное состояние антирелигиозной работы на местах. «Нет никакого, хотя бы малейшего опыта работы в деле антирелигиозной пропаганды в аулах» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69. Л. 51], – говорилось в одном из документов. Именно крестьянские волнения способствовали активизации атеистической работы в Кабардино-Балкарии. В 1929 г. было учреждено региональное отделение Союза воинствующих безбожников. В трудовых коллективах создавались первичные ячейки союза. Партийные органы каждый год принимали планы по антирелигиозной работе. К примеру, в 1931 г. предполагалось проведение собраний «по всем предприятиям и учреждениям с постановкой бесед, лекций, докладов на антирелигиозные и естественно-научные темы с показанием опытов» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 3. Л. 12], организация повсеместно уголков безбожников, содержащих лозунги, плакаты, тематические стенгазеты, проведение «во всех цехах, колхозах, красных уголках громких чтот газет «Безбожник» и антирелигиозной литературы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 3. Л. 12]. В целом предписывалось придать антирелигиозной работе «массовый характер» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 164] и широкий охват с включением в его ряды беспартийных крестьян и особенно женщин [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 166]. Редакции газеты «Карахалк» рекомендовалось регулярно освещать вопросы религиозно-бытового характера [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 165], «включить в издательский план выпуск антимусульманской антирелигиозной литературы на кабардинском и балкарском языках» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 165]. В цитируемом документе также содержался перечень элементов, которые должны были в обязательном порядке присутствовать при реализации на местах антирелигиозной работы. В частности рекомендовалось делать акцент на классовую сущность религии, «разоблачать противонаучный характер религиозных представлений», бороться с попытками «духовенства к отождествлению коммунизма с исламом» [УЦГА АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71. Л. 167] и пр. Обосновывалась необходимость активизации данной работы в преддверии религиозных праздников. Параллельно велась деятельность по закрытию и перепрофилированию под светские нужды культовых зданий. В итоге, по некоторым сведениям, к началу Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148].

Таким образом, массовые крестьянские волнения, происходившие в Кабардино-Балкарии в конце 20-х гг. – начале 30-х гг. XX в. являлись следствием всей предшествовавшей экономической и культурной политики новой власти, реализация которой сопровождалась грубой ломкой существовавшей ранее системы организации хозяйственных отношений и социального пространства. По справедливому замечанию Г.Х. и З.Г. Мамбетовых, «крестьянство психологически просто не было готово к столь глубоким преобразованиям, изменению своего жизненного уклада» [Мамбетов, Мамбетов 1999 : 6]. В рамках массовых крестьянских волнений религиозный компонент проявился рельефно, что во многом способствовало крутым изменениям в рамках профессиональной политики властей. Прямым следствием реакции руководства Кабардино-Балкарии на массовые крестьянские

волнения стали аресты и заключения в отношении служителей культа, связанный с этим отход значительной их части от требоисполнений и прочей деятельности, ликвидация системы мусульманских образовательных учреждений, становление и усиление атеистической работы, превращение ее в одно из главных направлений агитационно-пропагандистской деятельности в субрегионе.

Список источников и литературы

- Айшаев 2006 – *Айшаев О.О.* Крестьянское вооруженное восстание в Чегемском и Баксанском ущельях КБАО в феврале 1930 года. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2006. 44 с.
- Бейтуганов 1991 – *Бейтуганов С.Н.* Восстание крестьян Кабардино-Балкарии в 1928–1931 гг. // Советская молодежь. 1991. 9 августа.
- Дзуев 1997 – *Дзуев Г.К.* Кровавое лето 1928-го: Очерки. Нальчик: Эльбрус, 1997. 105 с.
- История... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР* под ред. Т.Х. Кумыкова М.: Наука, 1967. Т. 2. 439 с.
- Кобзев 2014 – *Кобзев А.В.* Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 149–158.
- Кудаева 2019 – *Кудаева З.Ж.* Адыгский «неофициальный» фольклор периода гражданской войны и советского периода (к постановке проблемы) // Вопросы кавказской филологии. 2019. Вып. 12. С. 174–186.
- Мамбетов, Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы. Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. 272 с.
- Прасолов 2013 – *Прасолов Д.Н.* Восстания в Кабардино-Балкарии конца 1920-х гг.: социальное содержание и этнокультурные последствия / История сталинизма: Жизнь в терро-ре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург. 18–20 октября 2012 г. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР). Ф. 1, 2, И-26, Р-2, Р-134, Р-237, Р-780.
- УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. (УЦДНИ АС КБР). Ф. 1, 175, П-1.

References

- AISHAEV O.O. *Krest'yanskoe vooruzhennoe vosstanie v Chegemskom i Baksanskom ushchel'yakh KBAO v fevrale 1930 goda.* [Peasant armed uprising in the Chegem and Baksan gorges of the KBAO in February 1930]. Nal'chik: Poligrafsservis i T, 2006. 44 p. (In Russian)
- BEITUGANOV S.N. *Vosstanie krest'yan Kabardino-Balkarii v 1928–1931 gg.* [The uprising of the peasants of Kabardino-Balkaria in 1928–1931] IN: *Sovetskaya molodezh'*. 1991. 9 augusta (In Russian)
- DZUEV G.K. *Krovavoe leto 1928-go: Ocherki.* [The Bloody Summer of 1928: Essays]. Nal'chik: El'brus. 1997. 105 p. (In Russian)
- Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR pod red. T.KH. Kumykova* [History of the Kabardino-Balkarian ASSR edited by T.H. Kumykov]. Moscow: Science. 1967. Vol. 2. 439 p. (In Russian)
- KOBZEV A.V. *Musul'manskoe dukhovenstvo v SSSR v 1940–1980-kh gg.* [Muslim clergy in the USSR in the 1940 s and 1980 s.] IN: *History issues.* 2014. Vol. 1. P. 149–158. (In Russian)
- KUDAEVA Z.ZH. *Adygsii «neofitsial'nyl» fol'klor perioda grazhdanskoi voiny i sovetskogo perioda (k postanovke problem)* [Adyghe “unofficial” folklore of the period of the Civil War and the Soviet period (to pose the problem)] IN: *Voprosy kavkazskoi filologii.* 2019. Vol. 12. P. 174–186. (In Russian)
- MAMBETOV G.KH., MAMBETOV Z.G. *Sotsial'nye protivorechiya v Kabardino-Balkarskoi derevne v 20–30-e gody.* [Social contradictions in the Kabardino-Balkarian village in the 20–30 s.] Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTS RAN. 1999. 272 p. (In Russian)
- PRASOLOV D.N. *Vosstaniya v Kabardino-Balkarii kontsa 1920-kh gg.: sotsial'noe sodержanie i etnokul'turnye posledstviya* [Uprisings in Kabardino-Balkaria in the late 1920s: social content and ethnocultural consequences]. IN *Istoriya stalinizma: Zhizn' v terrore.*

Sotsial'nye aspekty repressii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg. 18–20 oktyabrya 2012 g. Moscow: ROSSPEN. 2013. 485 p. (In Russian)

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Kabardino-Balkarskoi Respubliki [The Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. F. 1, 2, I-26, R-2, R-134, R-237, R-780. (In Russian)

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. F. 1, 175, P-1. (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the authors

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior Researcher in the Modern History Sector.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 30.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 15.12.2025.